

Социальная история науки *Social History of Science*

DOI: 10.31857/S020596060019226-0

НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА ПЕТРОГРАДА – ЛЕНИНГРАДА В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В 1920-е гг.

СИНЕЛЬНИКОВА Елена Федоровна – Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5; E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

© Е. Ф. Синельникова

В статье делается попытка рассмотреть ряд важных вопросов о месте и роли научных обществ Петрограда – Ленинграда в системе организации советской науки в 1920-е гг. В частности, исследуются вопросы о взаимоотношениях между научными обществами и властными органами и другими научными учреждениями и организациями, об отношении советской власти к научным обществам, о соответствии основных форм и методов работы обществ политике, проводимой большевиками. В переходный период, в 1917–1934 гг., большевики, стремясь сохранить кадры и научный потенциал страны, считали деятельность общественных организаций ученых в целом полезной для развития науки, и их работа частично субсидировалась государством. В то же время процессы коренной реорганизации системы научных исследований в полной мере затронули научные общества. На протяжении 1920-х гг. государственный контроль за ними под влиянием политических и социальных изменений, происходивших в СССР, постоянно возрастал и на рубеже 1920–1930-х гг. стал тотальным. Многие научные общества не смогли адаптироваться к новым условиям и были вынуждены самораспуститься, другие в ходе следовавших одна за другой кампаний по перерегистрации были властью ликвидированы, третьим удалось пережить болезненный процесс трансформации и продолжить свою деятельность. В начале 1930-х гг. оставшиеся в живых научные общества были вынуждены в срочном порядке встраиваться в созданную систему государственного управления наукой и общественными организациями. Лишившись самостоятельности, они становились полностью подконтрольными массовыми организациями. Во многом изменились основные принципы организации их жизни и деятельности. Теперь во главу угла ставилась зависимость их планов и задач от потребностей развития Советского государства, от решения конкретных задач народного хозяйства, культуры и просвещения. Все это и стало одним из главных результатов утраты научными обществами своих прежних статуса и значения в научном сообществе страны. Кроме того, изменились и требования власти к самому составу обществ. Например, одной из насущных задач

в этом плане было теперь участие в работе обществ представителей рабочих и крестьян, наличие в них ячеек правящей партии и др.

Ключевые слова: история науки, наука и власть, Петроград – Ленинград, научные общества, общественные организации, деятельность ученых, архивные источники.

Статья поступила в редакцию 11 мая 2021 г.

SCIENTIFIC SOCIETIES OF PETROGRAD – LENINGRAD IN THE SOVIET SYSTEM OF SCIENCE ORGANIZATION IN THE 1920s

SINELNIKOVA Elena Fedorovna – St. Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences; Universitetskaya nab., 5, St. Petersburg, 199034, Russia; E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

© E. F. Sinelnikova

Abstract: The article discusses a number of important issues for understanding the place and role of Petrograd – Leningrad scientific societies in the system of science organization in the 1920s. In particular, how the Soviet government treated scientific societies, to what extent the forms and methods of scientific societies' work fitted in with the Bolsheviks' ideas about Soviet science, and how scientific societies interacted with authorities and other scientific institutions and associations. During the transition period in 1917–1934, the Bolsheviks, seeking to preserve the cadre and scientific potential of the country, considered voluntary associations of scientists useful for the development of science, and their work was subsidized by the government. On the other hand, the processes of radical reorganization of the country's scientific research system had seriously affected the scientific societies. Throughout the 1920s, under the influence of political and social changes taking place in Soviet Russia, state control over scientific societies was growing rapidly and became total at the cusp between the 1920s and 1930s. Many scientific societies failed to adapt to the new conditions and were forced to dissolve; others were liquidated by the authorities in the course of several re-registration campaigns following one after another, and still others managed to survive the painful process of transformation and continue with their work. In the early 1930s, the remaining scientific societies were forced to rapidly integrate into the system of government management of science and voluntary public associations. Having lost their independence, these societies turned into fully controlled mass organizations, with mandatory shares of workers and peasants among their membership. The main principles of their functioning changed too. Their plans and goals were now dictated by the needs of the Soviet state, by the concrete tasks of national economy, culture and education. Scientific societies lost their special status and significance for the academic community.

Keywords: history of science, science and power, Petrograd – Leningrad, scientific societies, voluntary public associations, activities of scientists, archival sources.

For citation: Sinelnikova, E. F. (2022) Nauchnye obshchestva Petrograda – Leningrada v sisteme organizatsii sovetskoï nauki v 1920-e gg. [Scientific Societies of Petrograd – Leningrad in the Soviet System of Science Organization in the 1920s], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, vol. 43, no. 1, pp. 54–81, DOI: 10.31857/S020596060019226-0

Введение

1920-е гг. являются одним из очень сложных и противоречивых периодов развития отечественной науки. В эти годы происходила трансформация до-революционной науки в советскую, а также формировалась новая модель отношений между властью и наукой. Поэтому важным, на наш взгляд, является исследование трансформационных и реорганизационных процессов, проходивших в разных видах научных учреждений и организаций.

Преобразования в Академии наук и высшей школе в послереволюционные десятилетия и история создания первых исследовательских институтов в Советской России уже изучались многими исследователями¹. Однако история научных обществ в раннесоветский период, их стремление сохранить свое место в новой системе научных организаций страны изучены все еще недостаточно. Это можно объяснить тем, что научные общества являлись особой формой организации науки и специфическими объединениями ученых. Нам кажется, что в основе самой их организации и деятельности лежит некое философское противоречие. С одной стороны, общества являются сами по себе олицетворением творческой свободы представителей научной интеллигенции, а с другой стороны и одновременно с этим, они на практике должны заниматься решением конкретных и сложных задач, имеющих научно-прикладной характер, практическую значимость и связанных с вопросами развития экономики и культуры. Этим и было обусловлено то, что научные общества испытывали на себе всю тяжесть социальных

---

¹ *Graham, L. R.* The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1967; *Есаков В. Д.* Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой. М.: Наука, 1971; *Graham, L. R.* The Foundation of Soviet Research Institutes: A Combination of Research Innovation and International Borrowing // *Social Studies of Science*. 1975. Vol. 5. No. 3. P. 303–329; *Беляев Е. А.* КПСС и организация науки в СССР. М.: Политиздат, 1982; *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917–1925). Л.: Наука, 1984; *Vucinich, A. S.* Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917–1970). Berkeley, CA: University of California Press, 1984; *Levin, A. E.* Expedient Catastrophe: A Reconsideration of the 1929 Crisis at the Soviet Academy of Sciences // *Slavic Review*. 1988. Vol. 47. No. 2. P. 261–279; *Josephson, P. R.* Physics and Politics in Revolutionary Russia. Berkeley, CA: University of California Press, 1991; *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: исторический альманах / Ред.-сост. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. М.: Процесс; Феликс; Atheneum, 1991. Вып. 1. С. 165–258; *Каиль М. В.* Из истории становления университетского образования в советской провинции // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 256–272; *Соболев В. С.* Нести священное бремя прошедшего: Российская академия наук: национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. СПб.: Нестор-История, 2012.

потрясений и изменений, происходивших как в научной, так и в общественной сферах жизни страны.

Свойственная научным обществам упомянутая выше двойственность приводила к тому, что они являлись и являются весьма сложными объектами исследования для историков науки. В ряде монографий и статей по истории 1920-х гг. научные общества упоминались только бегло², и лишь несколько специальных исследований посвящены изучению их деятельности³. Представляется достаточным обоснованное мнение о том, что история научных обществ нуждается в дальнейших исследованиях. Цель данной статьи – попытаться определить место и роль научных обществ в системе организации советской науки в 1920-е гг.

«Извольте быть благонадежны»: научные общества до революции 1917 г.

Научные общества являлись одной из значимых традиционных институций в системе организации дореволюционной отечественной науки. Они внесли значительный вклад в дело распространения научных и научно-прикладных знаний, способствовали формированию профессионального научного сообщества и развитию международных научных связей. Первое

---

² *Fitzpatrick, Sh.* The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October 1917–1921. Cambridge: Cambridge University Press, 1970; *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917–1922). М.: Наука, 1973; *Коржихина Т. П.* Общественные организации СССР в 1917–1937 гг. М.: Б. и., 1981; *Купайгородская А. П., Лебина Н. Б.* Добровольные общества Петрограда – Ленинграда в 1917–1937 гг. (тенденции развития) // Добровольные общества Петрограда – Ленинграда в 1917–1937 гг. / Отв. ред. А. П. Купайгородская. Л.: Наука, 1989. С. 5–16; *Киселева Н. В.* Возникновение феномена советских массовых добровольных обществ. Ростов-на-Дону: РГУ, 1998; *Ильина И. Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. М.: Наука, 2000; *Курепин А. А.* Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб.: Нестор-История, 2003 и др.

³ *Swanson, J. M.* The Bolshevization of Scientific Societies in the Soviet Union: An Historical Analysis of the Character, Function, and Legal Position of Scientific and Scientific-Technical Societies in the USSR, 1929–1936. Indiana University, Ph. D. Thesis, 1968; *Bradley, J.* Associations in Times of Political Turmoil: Science Societies and the Bolshevik Regime, 1917–22 // *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22* / A. Lindenmeyer, Ch. Read, P. Waldron (eds.). Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2016. Book 2: The Experience of War and Revolution. P. 137–172; *Кривошеина Г. Г.* Как закрывали естественно-научные общества в Советской России // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2018 / Гл. ред. Д. Ю. Щербинин, отв. ред. Р. А. Фандо. М.: Янус-К, 2018. С. 343–346; *Кривошеина Г. Г.* Тактика выживания: почему при советской власти МОИП смог взять верх над ОЛЕАЭ // ВИЕТ. 2019. Т. 40. № 4. С. 790–796; *Синельникова Е. Ф.* Финансовый аспект взаимоотношений власти и научных обществ Петрограда – Ленинграда в 1917–1920-е гг. // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 4. С. 128–144; *Синельникова Е. Ф.* Власть и научные общества в середине 1920-х гг.: проекты типового устава // Вспомогательные исторические дисциплины: сб. статей / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 35. С. 184–200; *Sinelnikova, E.* Scientific Societies in the Soviet Science System During the 1920s // *Historia Scientiarum*. 2019. Vol. 28. No. 2. P. 88–114; *Смирнова Г. С.* На московском математическом фронте: из истории реорганизации Московского математического общества в 1930 г. // ВИЕТ. 2020. Т. 41. № 2. С. 280–310.

научное общество в России, ставшее также и первой негосударственной научной институцией, появилось лишь во второй половине XVIII в. 31 октября 1765 г. императрица Екатерина II утвердила устав Вольного экономического общества, потребовав от его организаторов «быть благонадежны»⁴, что установило на века разрешительную форму взаимоотношений власти и научных обществ в России.

Подобные организации создавались в XIX в. чаще всего при университетах, а в пореформенное время ими стали проводиться всероссийские научные съезды, организовываться масштабные экспедиции, формироваться библиотечные и музейные собрания. В целом, по мнению американского историка Л. Грэхэма, научные общества были «самым интересным частным начинанием российской науки»⁵.

Научные общества важны были для научного сообщества как платформа для представления результатов научных исследований, они также являлись площадкой для профессиональных дискуссий. Так, президент Русского географического общества Ю. М. Шокальский утверждал, что посещение собраний общества, на которых члены его выступали с речами, для ученых, особенно молодых, давало гораздо больше, «чем беглый просмотр в течение того же времени журналов и книг»⁶.

Научные общества состояли в ведении Министерства народного просвещения, куда они направляли уставы для регистрации, информацию о планируемых заседаниях и других важных мероприятиях, а также отчеты о деятельности и личном составе.

Одним из позитивных результатов общественного движения и революционных событий 1905–1907 гг. стал первый общероссийский закон об общественных организациях — «Временные правила об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г.⁷ Его юрисдикция распространялась и на научные общества, которые являлись в правовом отношении общественными организациями. Для регистрации подобных объединений создавались специальные государственные органы, при этом процедура регистрации была достаточно сложной. Закрытие же организации могло произойти в любое время по распоряжению министра внутренних дел или главы местной власти при условии, что деятельность этой организации была признана «угрожающей общественному спокойствию и безопасности».

Накануне Первой мировой войны сеть научных обществ в России росла значительными темпами, что являлось одним из показателей развития гражданского общества в стране. Во время войны научные общества включились

---

⁴ Письмо Ее Императорского Величества к членам Вольного экономического общества // Труды Вольного экономического общества. СПб.: Б. и., 1765. Ч. 1. Без пагинации.

⁵ *Graham*. The Soviet Academy of Sciences... Р. 6.

⁶ *Семенов-Тянь-Шанский В. П., Герасимов А. П., Орлов Б. П.* Юлий Михайлович Шокальский и Всесоюзное географическое общество // Памяти Юлия Михайловича Шокальского. Сб. статей и материалов / Ред. И. Ю. Крачковский. М.; Л.: Изд-во и 1-я типолитография Изд-ва АН СССР, 1946. Ч. 1. С. 138.

⁷ Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. // Российское законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1994. Т. 9. С. 206–217.

в процесс мобилизации науки, внося свой вклад в модернизацию экономики, промышленности и сельского хозяйства, что способствовало укреплению обороноспособности страны. В военное время были созданы новые научные общества, в частности, в Петрограде были зарегистрированы Русское ботаническое общество (1915), Русское палеонтологическое общество (1916) и Петроградское общество рентгенологов и радиологов (1916).

После Февральской революции научные общества признали новую власть, а некоторые из них сумели получить от Временного правительства гарантии финансирования своей работы. По данным Комиссии по ученым учреждениям и предприятиям при Министерстве народного просвещения, созданной в апреле 1917 г., в то время в России действовали 122 научных общества⁸. Из них в Петрограде находились 26, что составляло немногим более 21 % от общего количества обществ. Комиссией было принято решение о проведении в Москве съезда представителей научных обществ и учреждений. Всего для участия в нем были приглашены 58 организаций, большинство из которых составляли научные общества. Это свидетельствует о высоком статусе научных обществ в системе организации науки того периода. Участниками московского съезда должны были стать 23 представителя 15 научных обществ Петрограда⁹. Однако мероприятие не состоялось. Короткая «весна» 1917 г. закончилась Октябрьской революцией. Научные общества теперь должны были налаживать взаимоотношения с новой советской властью.

Научные общества Петрограда в первые послереволюционные годы

Для советского правительства было очевидно, что построить социализм невозможно без новой системы организации науки, основанной на передовых для того времени принципах. Кроме того, настоятельно требовали решения давно наболевшие трудные проблемы коренного улучшения образования и просвещения миллионов граждан. В стране стали создаваться новые научные учреждения, университеты, факультеты, журналы и т. п. Действительно, только в первые послереволюционные годы были созданы 33 научно-исследовательских института¹⁰.

Несмотря на все трудности Гражданской войны и военного коммунизма, большинство научных обществ Петрограда, таких как Русское техническое общество, Русское географическое общество, Русское минералогическое общество и др., продолжали функционировать. Более того, в первые годы большевистского режима были созданы новые научные общества, например Общество радиоинженеров (1918) и Научное общество марксистов (1919).

Нельзя не отметить, что одной из характерных и тревожных тенденций в первые годы послереволюционной жизни научных обществ было

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 156. Д. 766. Л. 8–9 об.

⁹ Там же. Л. 6–7.

¹⁰ Романовский С. И. Наука под гнетом российской истории. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 152.

значительное сокращение числа этих организаций и заметное уменьшение численности их состава. Положение в Петрограде было особенно сложным. Дело в том, что за эти годы многие ученые уехали из голодного Петрограда в провинциальные города, некоторые погибли в революционных событиях, а также от голода и болезней. Все это стало одной из веских причин того, что отдельные научные общества самораспустились, например Юридическое общество Петроградского университета. Другие были вынуждены временно приостановили свою работу, как Петроградское философское и Петроградское антропологическое общества.

После Октябрьской революции были созданы новые государственные органы управления наукой и образованием. Уже 9 ноября 1917 г. декретом ЦИК РСФСР и Совета народных комиссаров была учреждена Государственная комиссия по народному просвещению¹¹. Весной 1918 г. она начала собирать и изучать информацию о научных организациях России. В июне 1918 г. комиссия была упразднена и ее функции были переданы в Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос)¹². Научный отдел Наркомпроса попытался установить отношения с научными обществами, направив им циркулярное письмо от 27 июня 1918 г. В этом документе говорилось, что советская власть желает «тесного сотрудничества» с научными обществами в «культурном строительстве». Наркомпрос выразил готовность поддерживать «чисто научную» деятельность обществ, но они должны были информировать наркомат обо всех своих важных начинаниях и повседневной работе, а также присылать протоколы последних собраний и свои публикации (книги и периодические издания) в его научный отдел. Циркуляр заканчивался требованием, чтобы квартальные отчеты о деятельности обществ, уведомления о заседаниях и проводимых мероприятиях, научные публикации и др. регулярно направлялись в соответствующие местные органы Наркомпроса. К циркуляру прилагалась специальная анкета, которую необходимо было заполнить. Таким образом, этот документ имеет для истории науки важное значение, поскольку он впервые после революции устанавливал подконтрольность научных обществ правительственным органам, а также определял некоторые основные принципы взаимоотношения государственной власти с научными обществами.

Документы и переписка с советскими административными органами показывают, что большинство научных обществ охотно шло на сотрудничество с новой властью. Они стремились легитимировать свою деятельность, поэтому своевременно подавали свои уставы на регистрацию в НКВД и Наркомпрос, а также в их местные органы. Однако только некоторые общества Петрограда (например Русское общество любителей мироведения, Общество гражданских инженеров) по собственной инициативе вносили изменения в свои уставные документы «в соответствии с современным

---

¹¹ Декрет об утверждении Государственной комиссии по просвещению // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1917. № 3. Ст. 32. С. 26–28.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 19. Д. 63. Д. 57–57 об.

положением»¹³, хотя в то время никаких требований о внесении изменений в уставы от властных органов еще не поступало.

Наркомпрос субсидировал деятельность целого ряда научных обществ, в том числе их издания, выделял средства на аренду помещений, оплату хозяйственных расходов и др. Кроме того, члены научных обществ Петрограда иногда привлекались к работе государственных органов в качестве экспертов по определенным вопросам, что было обычным делом и до революции. Так, представители Русского технического общества входили в состав Центрального совета экспертов, созданного в январе 1918 г. в системе Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) для координации прикладных научно-технических работ в промышленности¹⁴. Члены Русского археологического общества привлекались Российской государственной архитектурной комиссией в 1918 г. для рассмотрения представленных проектов по реставрации церквей и других сооружений¹⁵. Общество гражданских инженеров выступало консультантом в целом ряде мероприятий, связанных со строительством, проводимым властями Петрограда¹⁶.

Даже в тяжелых условиях Гражданской войны ученые не могли полностью отказаться от работы «в поле». Однако экспедиции требовали значительных финансовых и материальных затрат и, естественно, не могли осуществляться научными обществами без государственной поддержки. В связи с этим экспедиции научных обществ в эти годы проводились в основном на близлежащих территориях. Русское ботаническое общество, например, в апреле 1919 г. получило ассигновку для ботанико-географических исследований севера России и Петроградской губернии¹⁷. Следует отметить, что экспедиции даже при финансовой поддержке власти проходили в очень тяжелых условиях.

В этих трудных обстоятельствах первых послереволюционных лет деятельность научных обществ Петрограда, конечно, не могла осуществляться в прежних масштабах. Им пришлось не только сокращать, но и перестраивать ее, исходя из имеющихся ресурсов и тех требований, которые к ним предъявляла новая власть. В обмен на свою финансовую поддержку органы местной и центральной власти ждали от ученых и их общественных организаций всемерного участия в проводимых ими преобразованиях, в решении важных государственных задач.

Тем не менее, несмотря на свое тяжелое экономическое и политическое положение, ученые продолжали свой труд. Их самоотверженное служение науке нередко помогало им преодолевать возникавшие сложности.

---

¹³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 184. Л. 26.

¹⁴ Филиппов Н. Г. Научно-технические общества СССР (1917–1941 гг.). М.: МГИАИ, 1977. С. 9.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 61. Л. 18.

¹⁶ Там же. Д. 184. Л. 24, 27.

¹⁷ Там же. Д. 186. Л. 8.

Проблема определения статуса научных обществ

До Октябрьской революции многие научные общества обладали денежными средствами, складывавшимися из членских взносов, продажи изданий, частных пожертвований и др. Согласно действовавшему законодательству, они должны были хранить свои капиталы в виде процентных бумаг как «правительственных», так и «гарантированных правительством городских и земских кредитных» учреждений. Кроме того, денежные суммы могли быть «помещаемы для приращения процентами» в местные государственные кредитные учреждения или, «с надлежащего разрешения», в частные¹⁸. Так, например, Русское техническое общество держало свои средства в Государственном банке и частью в Волго-Камском банке, Русское общество любителей мироведения — в Государственной сберегательной кассе и Обществе взаимного кредита Петроградского уездного земства и т. п. Однако в результате принятых после прихода большевиков к власти декретов Всероссийского центрального исполнительного комитета «О национализации банков» от 27 (14) декабря 1917 г.¹⁹ и Совета народных комиссаров «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков» от 8 февраля (26 января) 1918 г.²⁰ научные общества лишились своих капиталов. Членские взносы не могли вноситься регулярно, и в любом случае их было бы недостаточно для покрытия расходов обществ. В результате государство стало единственным источником финансирования их деятельности в новых политических и экономических условиях.

Данная ситуация породила некоторое противоречие: в первые послереволюционные годы научные общества, оставаясь общественными организациями, оказались в финансовой зависимости от государства. Ввиду этого они должны были обращаться к Наркомпросу с просьбой определить их статус. Для обществ крайне важным было официальное подтверждение их правового положения: являются ли они по-прежнему общественными организациями или стали государственными научными учреждениями из-за своей финансовой зависимости от органов государственной власти? Например, в декабре 1918 г. Общество естествоиспытателей при Петроградском университете обратилось в научный отдел Наркомпроса с просьбой уточнить, не переходит ли общество «на положение государственного учреждения, финансовая жизнь которого поддерживается исключительно правительственными ассигнованиями», поскольку все его денежные фонды были национализированы²¹. Решение органов власти по этому вопросу не всегда было однозначным. Так, в марте 1919 г. Петроградское отделение научных учреждений и высших учебных заведений сообщило Наркомпросу,

---

¹⁸ Плато К. Г. Положение о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников. Рига: Типо-литография, словолитня и фото-химиграфия Э. Платеса, 1903. С. 5.

¹⁹ Декрет о национализации банков // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 150. С. 149–150.

²⁰ Декрет СНК «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков» // СУ РСФСР. 1918. № 19. Ст. 295. С. 286–287.

²¹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 63. Л. 7 об.

что Общество любителей древней письменности «является не государственным научным учреждением, а частным обществом, получающим субсидию от государства»²².

Переход к НЭПу, а в связи с этим назначение государственных субсидий или отказ в таковых, сделал еще более актуальным решение вопроса о статусе научных обществ. Создавшееся в стране сложное положение воспринималось научными обществами Петрограда по-разному. Так, Русское общество любителей мироведения в 1923 г. подчеркивало, что оно «именно общество, а не учреждение»²³, а Русское техническое общество в одном из документов 1923 г., наоборот, называло себя «научным учреждением»²⁴.

После перехода к НЭПу Наркомпрос, в ведении которого находились научные общества, вынужден был все чаще отказывать обществам в предоставлении финансовой поддержки. Так, в 1922 г. Петроградское управление научных и научно-художественных учреждений Академического центра Наркомпроса (далее ПУНУ) в ответ на отношение Русского географического общества отвечало, что научные

общества, как это явствует из их уставов и самого существа обществ, не содержатся и не могут содержаться на средства государства, тем более в настоящее исключительно трудное по финансовым условиям время²⁵.

Далее в документе указывалось:

Общества живут самостоятельностью своих членов, труды коих не оплачиваются и которые сами участвуют в расходах по содержанию общества путем членских взносов и т. п.²⁶

В то же время государственные органы часто требовали от научных обществ города выполнения всех «обязательных» постановлений и циркуляров, которые рассылались им наравне с другими подведомственными учреждениями. Данная ситуация не могла не вызывать недовольство со стороны общественных организаций. Прежде всего это объяснялось отсутствием у большинства из них даже самого минимального штата для подготовки весьма значительного количества необходимых документов, а кроме того, отсутствием средств, чтобы оплачивать эту работу. В этой связи общества пытались различными способами оспорить необходимость выполнения, по их мнению, к ним не относящихся требований властей. Этим, например, объясняется то, что Российское общество любителей естествознания в ответ на запрос Ленинградского отделения Главнауки (ЛОГ) по поводу списков государственных фондов (в данном контексте списков всего движимого имущества) ответило следующее:

---

²² Там же. Д. 60. Л. 151.

²³ Там же. Д. 539. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 540. Л. 95.

²⁵ Там же. Д. 542. Л. 42.

²⁶ Там же.

...поскольку общество является организацией частно-правовой, оно не может рассматривать какую-либо часть своего имущества как «гос[ударственный] фонд» и считает предписание ЛОГ [...] к нему не относящимся,

подчеркивая далее, что

все имущество общества используется для его прямых задач, в том числе и инструменты, представленные во временное пользование его членам, что также является одной из основных задач общества²⁷.

В середине 1920-х гг. был принят ряд нормативно-правовых актов, которые в существенной степени разрешали вопрос о государственном финансировании определенных научных обществ. 17 февраля 1925 г. декретом СНК РСФСР был утвержден «Список научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного управления научных и научно-художественных учреждений Народного комиссариата просвещения РСФСР и состоящих на государственном бюджете»²⁸. В списке обществ, взятых на государственный бюджет, значились девять ленинградских и шесть московских научных обществ, а также 12 отделений Русского географического общества и 25 провинциальных научных обществ. Из девяти ленинградских научных обществ шесть получили наименование «государственных». Тем самым власть дополнительно подчеркивала их значимость для страны. Примечательно, что к ним были отнесены старейшие научные общества: Русское физико-химическое общество (1878), Российское минералогическое общество (1817), Русское энтомологическое общество (1859), Русское географическое общество (1845), а также Русское палеонтологическое общество и Русское ботаническое общество. Кроме того, в список были включены Ленинградское общество естествоиспытателей, Русское общество любителей мироведения и Научное общество марксистов. За исключением последнего, все общества были естественно-научными, что ясно показывало, какие отрасли наук пользовались приоритетом у советской власти.

Интересно, что большинство научных обществ, ставших «государственными» в 1925 г., до революции носили титул «императорских». Статус таких организаций официально не регулировался, но на практике означал возможность обращения к императору напрямую, солидные субсидии, различные привилегии и, наконец, уважительное отношение государственных органов. Таким образом, некоторые из дореволюционных практик взаимоотношений власти с научными обществами воспроизводились в раннесоветский период.

Интересные сведения о деятельности научных обществ в 1920-е гг. содержатся в выступлении секретаря Русского общества любителей мироведения В. А. Казицына. Его доклад должен был быть сделан 1 апреля 1926 г. на совещании директоров научных учреждений. Его тезисы были отправлены в ЛОГ. Доклад назывался «Об упрощении форм отчетности научных обществ перед органами административного надзора, научно-административными и

---

²⁷ Там же. Д. 1001. Л. 69.

²⁸ Об утверждении списка научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного управления научных и научно-художественных учреждений Народного комиссариата просвещения РСФСР // СУ РСФСР. 1925. № 14. Ст. 95. С. 165–176.

финансово-контрольными учреждениями». В нем Казицын отметил, что научные общества, согласно их уставам, утверждаемым органами НКВД, «суть учреждения частнопровые, а не государственные»²⁹. Одновременно с этим

задачи, поставленные и осуществляемые научными обществами, являются общественно-полезными и имеющими государственное значение, почему общества и субсидируются правительством, иногда в значительных размерах³⁰.

В докладе также утверждалось, что отчетность по перед НКВД, Наркомпросом и Наркомфином вызывает неоправданный рост делопроизводства, «затрату времени, сил и средств, так как эта работа уже редко находит бесплатных работников и требует приложения наемных служащих»³¹. Особенно подчеркивалось, что «подведение» научных обществ под общую линию «учреждений» со стороны Наркомпроса вызывает много лишней работы. Казицын считал, что в крупных обществах эта работа осложняется «самим масштабом дела, количеством членов, обширностью программ» и является практически невыполнимой для небольших организаций, «где меньше сил и средств»³².

Как показывает приведенный материал, сами научные общества, осознавая себя в первую очередь общественными научными организациями, нуждались в государственном финансировании и поддержке, но, безусловно, были не в состоянии выполнять тот же объем требований, который предъявлялся к государственным научным учреждениям (последние имели установленную штатную численность, соответствующие размеры финансирования и др.). Определение статуса научных обществ, действительно, играло значительную роль во взаимоотношениях власти и научных обществ в первое послереволюционное десятилетие. Однако эта проблема не была окончательно решена, так как, по сути, в стране был запущен процесс огосударствления системы научных обществ. В сложных политических и социально-экономических условиях научные общества не могли полноценно функционировать, не имея твердого финансирования со стороны государства. К сожалению, как верно отмечал Э. И. Колчинский, «в условиях, когда государство становилось единственным источником средств для научных исследований, их политизация и идеологизация были неизбежны»³³.

Структурные изменения и коллективная работа в научных обществах Петрограда – Ленинграда

Большевики большое значение придавали развитию науки и техники, полагая, что они станут одной из основ для создания социалистического государства. Выполняя задания правительства о привлечении науки

²⁹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1001. Л. 49.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 49 об.

³³ *Колчинский Э. И.* В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 5.

к государственному строительству, Наркомпрос создал в январе 1918 г. особый организационный центр — отдел по мобилизации научных сил на службу крестьянской и рабочей России. Уже в конце января 1918 г. отдел подготовил «Положения к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства», которые были переданы руководству Академии наук³⁴. Суть научной политики большевиков заключалась в привлечении ученых к решению проблем социалистического строительства.

Вполне объяснимым, на наш взгляд, было стремление ученых принять участие в решении этих важных задач. Так, в некоторых научных обществах создавались новые отделы научно-прикладного характера: при Обществе гражданских инженеров была открыта «мастерская для приема и выполнения технических заданий»³⁵, в Русском энтомологическом обществе появилось отделение прикладной энтомологии³⁶, Русское техническое общество организовало в своем составе комиссию по общей реформе технического и профессионального образования³⁷, Комитет Севера под председательством Шокальского был создан при Русском географическом обществе в 1920 г., а годом позже утвержден правительством³⁸ и др. Для всех этих вновь созданных подразделений общим принципом был их прикладной характер.

Научные общества одновременно с этим начали укреплять взаимоотношения с другими научными учреждениями и организациями. Например, в работе Совещания по изучению Севера при Российской академии наук, проходившего «в залах» Русского географического общества 16–24 мая 1920 г., наравне с государственными научными учреждениями (Постоянной полярной комиссией при Академии наук, Зоологическим музеем Академии наук и Гидрологическим институтом) активное участие принимали представители Российского минералогического общества, Русского географического общества, Общества естествоиспытателей при Петроградском университете³⁹ и т. д.

Наметившееся усиление коллективного начала в исследованиях требовало новых организационных форм, а для проведения успешной коллективной работы, по мнению властей, научные общества подходили мало. Стараясь соответствовать предъявляемым к ним новым требованиям, научные общества подчеркивали, что в их работе реализуются формы и методы коллективной работы. Так, в отчете о деятельности Русского географического общества указывалось, что вся деятельность общества

основана на коллективном разрешении научно-исследовательских задач, которые ставятся отдельными научными деятелями на обсуждение отделений

---

³⁴ Лапко А. Ф., Люстерник Л. А. Ленин, наука и просвещение // Успехи математических наук. 1970. Т. 25. Вып. 2 (152). С. 53.

³⁵ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 184. Л. 27.

³⁶ Там же. Д. 180. Л. 6 об.

³⁷ Там же. Д. 58. Л. 130.

³⁸ Агафонов Н. Т. Русское географическое общество. 150 лет. СПб.: РГО; М.: Прогресс, 1995. С. 183.

³⁹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 174. Л. 184 об.

общества и подвергаются здесь самому серьезному коллективному изучению специалистов⁴⁰.

В одном из документов Ленинградского общества исследователей финно-угорских народностей выражалась похожая мысль: «Коллективная работа проявляется, кроме обсуждения докладов на собраниях, еще в работах трех комиссий, но более всего в работе экспедиционной»⁴¹. Однако эти попытки продемонстрировать осуществление принципов коллективного труда не всегда были убедительными. Следует отметить, что весьма устойчивыми в деятельности обществ были традиционные формы и методы научной работы.

С большевистской точки зрения научные общества являлись устаревшей формой организации науки, наиболее прогрессивной формой власть считала научно-исследовательские институты. Необходимо отметить, что в связи с этим создавшимся противоречием в организации науки властью были предприняты серьезные попытки объединить усилия двух этих структур для решения конкретных задач государственного строительства.

Одной из подобных попыток была инициатива заведующего ЛОГ М. П. Кристи. По его решению 1 декабря 1924 г. была созвана конференция под председательством заместителя заведующего отделом научных учреждений Е. Душевского, посвященная координации деятельности научных обществ и научно-исследовательских институтов. Научным обществам было предложено

сообщить о своих взглядах на условия для наиболее успешной работы общества и о наблюдаемых в настоящее время затруднениях и неудобствах, отражающихся на условиях и успешности этой работы⁴².

На конференции было принято решение о том, чтобы научные общества и исследовательские институты, работающие в одной области науки, проводили совместные встречи на базе институтов. Соответственно, власть считала, что ведущую роль на этих встречах должны играть представители научно-исследовательских институтов.

В развитие решений конференции 29 декабря 1924 г. на заседании ЛОГ был одобрен и принят «Проект увязки деятельности научных обществ с научно-исследовательскими институтами»⁴³. Было решено, что на совместных заседаниях будут встречаться представители советов научных обществ и институтов для обсуждать отчетов и производственных программ, при этом протоколы таких встреч необходимо было направлять в ЛОГ. Для этого общества были подразделены на группы по научным отраслям. Следует отметить, что Научное общество марксистов должно было осуществлять свою деятельность совместно с большинством научных обществ и институтов, особенно

---

⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 691. Л. 107.

⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 92. Л. 13.

⁴² ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 720. Л. 109.

⁴³ Текст проекта, к сожалению, не сохранился.

с Институтом научной педагогики⁴⁴. Это свидетельствовало, на наш взгляд, о попытке властей внедрить принципы марксистской методологии в образование и науку, поскольку главной задачей общества было «развивать марксистские идеи и распространять марксистское мировоззрение»⁴⁵.

В начале 1925 г. Кристи сообщил Главнауке, что «установление как можно более тесной связи между научными учреждениями и обществами» было необходимо для

внесения большей планомерности и углубленности в работу научных обществ [...] и главным образом в целях достижения наибольшей беспристрастности критики деятельности научных институтов и обществ (на основе взаимности)⁴⁶.

Примечательно, что власти иногда учитывали пожелания научных обществ об их совместной работе с теми или иными научно-исследовательскими институтами. В частности, 10 апреля 1925 г. ЛОГ сообщил Обществу неврологии, рефлексологии и биологической физики, что

с его стороны нет препятствий для того, чтобы общество могло координировать свою деятельность не с Институтом изучения мозга, а с Психоневрологической академией⁴⁷.

В целом такая координация между научными обществами и институтами позволяла, с одной стороны, повышать уровень научной деятельности и ее результативность, а с другой, давала возможность государственным органам эффективнее контролировать деятельность обществ. Необходимо отметить, что многое в отношениях научных обществ Петрограда – Ленинграда зависело от тех, кто руководил организацией науки в городе. В этой связи вполне позитивными можно считать результаты деятельности Кристи, который пользовался у научных обществ большим уважением и авторитетом, и их личные обращения к заведующему не были редкостью. Русское общество любителей мироведения 12 февраля 1922 г. даже избрало его своим почетным членом, «помня то всегда исключительно благожелательное отношение» Михаила Петровича «к русским научным учреждениям и обществам, а также представителям науки»⁴⁸. Сам Кристи посчитал свое избрание в почетные члены «одним из доказательств тесного и искреннего сотрудничества между советской властью и работниками науки»⁴⁹.

---

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 2. Д. 1. Л. 13. Институт научной педагогики был создан 19 июля 1924 г. по решению Наркомпроса. Кроме того, Педагогический институт им. А. И. Герцена, Общество естественно-исторического образования, Общество изучения и преподавания языков и литературы, Общество просвещения в области математического образования и Ленинградское общество педагогики также должны были взаимодействовать с Научным обществом марксистов (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 676. Л. 260).

⁴⁵ *Клушин В. И.* Деятельность Научного общества марксистов (1920–1924 гг.) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1968. Т. 2. С. 125.

⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 755. Л. 10.

⁴⁷ Там же. Д. 676. Л. 18.

⁴⁸ Там же. Д. 792. Л. 23.

⁴⁹ Так же. Л. 24.

Советизация науки и ленинградские научные общества

Октябрьская революция, по замыслу большевистской партии, должна была предоставить рабочим и крестьянам доступ к достижениям современной науки и техники. Это означало и активное участие рабочих и крестьян во всех общественных научных организациях. Однако социальный состав практически всех научных обществ не соответствовал этой идеологической установке. До революции научные общества по своему составу были довольно однородными: наряду с учеными в них также входили представители различных слоев интеллигенции: учителя, инженеры, врачи, юристы, агрономы и т. п.

Вполне понятно, что с наступлением мирного времени, с началом социалистического строительства качественные показатели состава научных обществ подвергались резкой критике со стороны властных структур. С точки зрения действовавшей в стране конституции 1918 г. приоритетным считалось участие в деятельности общественных организаций рабочих и беднейших крестьян. В то же время доступ к членству в научных обществах был строго ограничен, что было закреплено в их уставах. Например, для того, чтобы стать членом Общества русских радиологов, согласно его уставу 1922 г., требовалось быть врачом или иметь высшее физико-математическое или техническое образование, а также рекомендации двух действительных членов общества⁵⁰. Подобные требования, наличие соответствующего образования и практическая деятельность в области научной специализации обществ, а также рекомендации как минимум двух членов были в уставах практически всех научных обществ. Причем почетными членами могли стать только, как правило, «известные российские и зарубежные ученые»⁵¹.

Некоторые научные общества выдвигали особенно строгие требования. В частности, для того, чтобы стать действительным членом Русского палеонтологического общества, согласно его уставу 1920 г., было необходимо «представить труд, достойный изпечатания в изданиях общества, или напечатанное ученое сочинение»⁵² и «быть предложенным в обыкновенном заседании общества по крайней мере двумя членами его и представить письменное заявление о желании быть членом общества»⁵³.

Были и общества, которые давали возможность вступить в них тем, кто не обладал соответствующим уровнем образования: они могли стать членами-сотрудниками. В Русском астрономическом обществе, например, ими могли стать «лица, производящие по поручению общества или по собственной инициативе такие астрономические работы, которые оказываются полезными для общества»⁵⁴. Но такие категории членства были лишь в незначительной части научных обществ.

⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 20. Л. 6.

⁵¹ Там же. Д. 22. Л. 2 об.; Д. 24д. Л. 4 об.

⁵² Там же. Д. 24а. Л. 4.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Д. 22. Л. 3.

Во многом именно для кардинального решения проблемы с социальным составом научных обществ 12 мая 1923 г. НКВД, Наркопросом и Наркомюстом был утвержден «Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли и состоящих в ведении Главнауки Наркомпроса»⁵⁵. Все общества должны были переработать и привести свои уставы в соответствие с новым нормативно-правовым актом.

Согласно последнему, процесс приема в члены-сотрудники (корреспонденты, соребнователи) общества значительно упростился, так как ими могли стать «лица, желающие оказать обществу содействие в его работах», и вводилась норма, согласно которой «члены-сотрудники зачисляются правлением (советом) общества согласно их письменным заявлениям»⁵⁶. Таким образом, в научные общества должны были входить не только профессионалы — ученые и специалисты, — но и «любители». Понятно, что эти меры не могли привести к быстрому кардинальному изменению социальных характеристик этих общественных научных организаций.

В «Нормальном уставе» также закреплялась обязанность обществ предоставлять ежегодно в двух экземплярах списки членов в орган НКВД, зарегистрировавший их⁵⁷. Это позволяло властным органам контролировать одновременно и численный, и социальный состав каждого научного общества. Однако, как вскоре выяснилось, не у всех научных обществ имелись сведения о социальном происхождении членов, что побудило власти, в данном случае НКВД, ввести обязательное требование заполнения анкет всеми вступающими в то или иное общество⁵⁸. В анкете необходимо было указать род занятий и работу, социальный статус, членство в партии, сведения о судимости⁵⁹.

Одним из способов повышения уровня идеологизации научной работы, усиления контроля власти за деятельностью общественных организации было включение в их состав членов партии. Советские власти впервые заинтересовались этим в начале 1920-х гг. Осенью 1921 г. по всем научным обществам были разосланы анкеты, включающие вопросы о наличии в обществе «коллективов коммунистов» (партийных ячеек) и «комитетов служащих» (профсоюзных организаций). Но ни того, ни другого ни в одном научном обществе города не оказалось⁶⁰. Подобные сведения о составе научных обществ теперь регулярно запрашивались государственными органами.

---

⁵⁵ О порядке утверждения научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли // Бюллетень НКВД. 1923. № 12. Ст. 158. С. 87–89.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. 2555. Д. 792. Л. 50 об.

⁵⁹ Там же. Д. 1001. Л. 19.

⁶⁰ Там же. Д. 341. Л. 1–2; Д. 351. Л. 1–2; Д. 353. Л. 2–2 об.; Д. 354. Л. 2–3; Д. 355. Л. 3–4; Д. 356. Л. 1–2, 7–8; Д. 357. Л. 1–2; Д. 358. Л. 1–1 об.; Д. 361. Л. 1–2; Д. 909. Л. 1–3; Д. 910. Л. 1–2; Д. 11. Л. 1–5 об.; Д. 912. Л. 1–2; Д. 913. Л. 1–2.

На XIV съезде ВКП(б) была разгромлена так называемая «новая оппозиция», одним из лидеров которой был Г. Е. Зиновьев. Вместо него ленинградскую партийную организацию возглавил С. М. Киров. Это был новый этап в истории города. Это привело, в частности, к тому, что с 1926 г. активизировалась деятельность Ленинградского губкома ВКП(б).

Методы резкого ускорения процесса советизации подведомственных ЛОГ научных учреждений обсуждалась на заседаниях бюро коллектива ВКП(б) ЛОГ. На его расширенном заседании 4 апреля 1926 г., на котором присутствовал начальник Главнауки Наркомпроса Ф. Н. Петров, было принято решение о необходимости ускорения пополнения научных учреждений организаций «партийными работниками»⁶¹. Петров в своем выступлении отметил, что «крупных ученых снимать с работы нельзя, но необходимо вести с ними теоретическую работу», но при этом он считал «возможным в первую очередь коммунизировать административно-хозяйственные должности»⁶². На деле увеличить представительство партийцев в научных обществах таким образом было сложно, так как все члены обществ, их руководящие органы и руководители избирались посредством демократических процедур на общих собраниях обществ, а не назначались. Проведение «коммунизации» научных обществ требовало особых методов.

С середины 1920-х гг. вопрос о партийности стал неотъемлемой частью всех анкет, рассылаемых научным обществам различными органами государственной власти. Наличие коммунистов и комсомольцев в научных обществах делало их в глазах властей более лояльными. Но изменения в этом плане происходили медленно. В некоторых научных обществах были один или два члена партии, но в большинстве из них не было ни одного. В частности, в Еврейском историко-этнографическом обществе и Библиологическом обществе имелось по одному партийцу⁶³.

До начала 1930-х гг. в научных обществах Ленинграда не было создано ни одной ячейки ВКП(б), несмотря на желание властей создать их во всех научных учреждениях и общественных организациях. Во второй половине 1920-х гг., за редким исключением, в составе обществ члены партии и комсомольцы составляли не более 2 % от общего числа членов, а в большинстве организаций не было ни одного из них.

Усилия властей, направленные на коренное изменение социального состава членов научных обществ, не дали желаемых результатов. На протяжении 1920-х гг. научные общества объединяли ученых и специалистов, работающих в определенной области науки. Однако в состав некоторых обществ также входили и «любители», которые являлись членами-корреспондентами (сотрудниками, соревнователями) и проживали постоянно в провинции, проводя астрономические, метеорологические и прочие наблюдения в соответствии с инструкциями, составленными научными обществами.

⁶¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1183. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.

⁶² Там же.

⁶³ ЦГА СПб. Ф. 2555. Д. 909. Л. 20; Там же. Д. 920. Л. 48 об.

Процесс изменения численности и социального состава членов научных обществ начался после вступления в силу новых законодательных и нормативно-правовых актов, принятых на рубеже 1920–1930-х гг., когда произошло всемерное укрепление тоталитарного режима и начался переход к политике активного подавления любого инакомыслия и к методам террора в стране.

Научные общества Ленинграда и «великий перелом»

Советизация научных учреждений, масштабная реорганизация Академии наук и высших учебных заведений были ключевыми процессами, происшедшими в отечественной науке на рубеже 1920–1930-х гг. Масштабной реорганизации подверглась и система общественных организаций. Научные общества в своей деятельности руководствовались всеми нормативными актами, касающимися деятельности общественных объединений. Поскольку к концу 1920-х гг. первый советский закон об общественных организациях (1922) уже перестал соответствовать требованиям внутренней политики, проводимой правящей партией, возникла необходимость закрепить текущую практику административного и политического контроля над деятельностью обществ.

«Положение об обществах и ассоциациях»⁶⁴ было утверждено ВЦИК и СНК 6 февраля 1928 г. Оно вводило ограничение на членство в обществах и союзах: согласно пункту 9, учредителями, а также членами выборных исполнительных органов обществ могли быть все граждане с восемнадцатилетнего возраста, имеющие избирательные права, а «лишенцы» не могли быть членами обществ в течение срока, установленного приговором суда. Кроме того, властные органы получили право не только контролировать, но и корректировать состав научных обществ и их руководящих органов по своему усмотрению. Они могли исключать «неудобных» учредителей обществ и вводить вместо них новых (п. 18), это же право распространялось и на рядовых членов обществ (п. 24). Примечательно, что ранее, еще не имея правового основания, это уже применялось на практике. Например, в ноябре 1924 г. при попытке регистрации Русское оптическое общество получило от НКВД заключение, что его устав «может быть утвержден лишь при условии исключения из состава учредителей В. В. Каврайского»⁶⁵. Возможно, это было обусловлено дворянским происхождением ученого. Общество выполнило требование власти и было зарегистрировано в 1925 г.

В целом положение 1928 г. предоставляло возможность власти проводить корректировку руководящих органов и состава научных обществ.

---

⁶⁴ Положение об обществах и союзах, не преследующих цели извлечения прибыли // СУ РСФСР. 1928. № 22. Ст. 157. С. 270–276.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43а. Д. 1061. Л. 29. Владимир Владимирович Каврайский (1884–1954) – выдающийся астроном, геодезист, картограф. Происходил из дворянской семьи. Основные его труды посвящены проблемам математической картографии и астрометрии. В 1921–1948 гг. преподавал в Военно-морской академии, в 1922–1939 гг. также в Ленинградском горном институте.

Инструкция по регистрации обществ и союзов и надзору за их деятельностью разъясняла и уточняла положение. Например, согласно инструкции, административные органы получили полномочия не только осуществлять «надзор за идеологической и специальной, т. е. научной и т. п. деятельностью объединений», получая ежегодные отчеты «по установленной форме» (п. 26), но и право организации ревизии и проверок (п. 27). К инструкции прилагались образцы анкет учредителей и членов исполнительных органов объединений, в которых необходимо было указывать фамилию, имя, отчество, год рождения, адрес, партийность, судимость или ее отсутствие, наличие права избирать в советы, общественное и служебное положение с 1914 г. по настоящее время. К концу 1920-х гг. подобные анкеты стали уже обязательным атрибутом жизни общественных организаций.

Перерегистрация существующих обществ началась после публикации инструкции, и она не была просто формальностью. Перерегистрация проводилась на основании новых типовых уставов научных, литературно-художественных, научно-технических и т. п. обществ, имеющих филиальные отделения и не имеющих таковых⁶⁶, опубликованных 1 августа 1928 г. одновременно с инструкцией. Общества, согласно уставам, имели своей целью

объединение лиц, научно и практически работающих в области (название дисциплины), а также научную разработку относящихся к этой области вопросов и распространение соответствующих сведений среди трудящихся масс и пробуждение интересов к задачам общества в общественной среде⁶⁷.

Перерегистрация обществ являлась одним из свидетельств решительной попытки власти подчинить деятельность общественных организаций решению государственных задач, т. е. задач просвещения и образования населения страны.

Все существующие организации должны были привести свои уставы в соответствии с одним из типовых. По вполне понятным причинам научные общества Ленинграда активно приступили к перерегистрации своих уставов, так, Российское минералогическое общество направило в НКВД необходимые бумаги для перерегистрации в декабре 1928 г.⁶⁸, а Ленинградскому обществу исследователей культуры финно-угорских народностей к этому времени уже удалось зарегистрироваться⁶⁹.

Однако в январе 1929 г. кампания по перерегистрации была приостановлена властью, так как, по мнению государственных органов, срочно потребовалось проведение дополнительного обследования общественных организаций. Одной из его целей стала ликвидация «неработающих» обществ, а

---

⁶⁶ Типовой устав научных, литературно-художественных, научно-технических и т. п. обществ, имеющих филиальные отделения // Бюллетень НКВД. 1928. № 27. Ст. 247. С. 535–541; Типовой устав научных, литературно-художественных, научно-технических и т. п. обществ, не имеющих отделений (местного характера) // Там же. С. 542–546.

⁶⁷ Там же. С. 535, 542.

⁶⁸ Соловьев С. П. Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук. Л.: Наука, 1967. С. 111.

⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 92. Л. 168. Л. 13 об.

также организаций, существование которых было, по мнению власти, «нецелесообразно по политическим соображениям». Одной из мер в этом отношении было «слияние» подобных обществ с другими, более успешными и лояльными к власти ⁷⁰.

С весны 1929 и до лета 1930 г. специальные комиссии обследователи одиннадцать ленинградских научных обществ: Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей, Русское техническое общество, Русское общество любителей мироведения, Общество древней письменности и искусства, Русское астрономическое общество, Общество российских физиологов имени И. М. Сеченова, Русское ботаническое, Русское энтомологическое, Русское географическое общества, Научно-техническое общество электриков и Общество естествоиспытателей при Ленинградском государственном университете. Таким образом, проверке подверглись научные общества во всех областях знаний.

Производившие обследования комиссии, назначенные уполномоченным Наркомпроса в Ленинграде, были различными по своему составу. Некоторые общества проверялись комиссиями, состоявшими всего из трех аспирантов АН СССР, что соответствовало одному из политических лозунгов текущего момента, согласно которому все «молодое» и «прогрессивное» со всей решимостью противопоставлялось «старому» и «отжившему». Именно тогда и была начата известная кампания по созданию в срочном порядке «своей, новой интеллигенции». Необходимо отметить, что первый набор в академическую аспирантуру, составивший 108 человек (половина из них была членами партии), начался в декабре 1929 г. Комиссии состояли из члена партии и двух комсомольцев. С точки зрения руководства страны упомянутые обследовательские комиссии обеспечивали правильную принципиальную критику деятельности научных обществ, состоящих в основном из так называемых спецов.

Комиссии, обследовавшие большинство обществ, были смешанными по составу, хотя также включали трех человек: представителей райсовета или облоно, облисполкома, аспиранта Академии наук, отдельных лиц, назначенных непосредственно управлением уполномоченного Наркомпроса. Программа обследований включала ознакомление с научной деятельностью каждого общества, его историей, организационной структурой и финансово-хозяйственной деятельностью. Проверяющих интересовало наличие субсидии и рациональность ее использования, состояние делопроизводства и бухгалтерии ⁷¹. Запрашиваемые данные включали также сведения о социальном и партийном составе членов общества, а также правления и президиума, о существовании фракции ВКП(б) и ее отношениях с беспартийными, а также роли коммунистической, комсомольской и рабочей прослойки и молодых советских специалистов в работе общества и т. д. ⁷²

---

⁷⁰ Ильина. Общественные организации России в 1920-е годы... С. 84–85.

⁷¹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 93. Л. 249.

⁷² Там же.

Обобщающий выводы всех обследований доклад старшего инспектора управления уполномоченного Наркомпроса были направлены в Главнауку⁷³. В целом научные общества получили негативную оценку:

После свержения самодержавия и установления пролетарской диктатуры буржуазно-либеральные общества в их старой форме должны рассматриваться как пережиток дореволюционной эпохи, тормоз кипучей энергии трудящихся масс, а иногда даже как реакционная идеологическая сила⁷⁴.

Все обследованные общества обвинялись в отсутствие фракций ВКП(б), недостаточной вовлеченности масс и молодых ученых в работу. Было решено, что научные общества должны стать массовыми организациями, связать свою работу с красными уголками, избами-читальнями и в то же время с хозяйственными и профессиональными организациями. Было предложено одни общества укрупнить, другие ликвидировать, а остальные усилить⁷⁵. В целом выводы и решения, иногда даже в формулировках, соответствовали основным требованиям положения ВЦИК и СНК от 6 февраля 1928 г.

В июле 1929 г. перерегистрация общественных организаций была возобновлена и решением ВЦИК и СНК РСФСР продлена до 1 марта 1930 г.⁷⁶ Многим научным обществам ее так и не удалось пройти: например, Микробиологическому, Русскому евгеническому, Русскому металлургическому, Русскому техническому обществам и др. Иногда ликвидация обществ происходила по их собственной инициативе. Так, 24 июня 1930 г. Научное общество страховых знаний подало заявление в Ленинградский облисполком и Ленсовет о прекращении своей деятельности, т. е. о самороспуске⁷⁷.

В эти годы также проводилась «чистка» в научной сфере. В соответствии с решением Политбюро от 21 января 1929 г. Народному комиссариату рабоче-крестьянской инспекции было поручено «назначить компетентную комиссию для обследования по существу деятельности Академии наук» и «независимо от работы этой комиссии поручить НК РКИ [...] провести чистку аппарата Академии наук от чужого и антисоветского элемента»⁷⁸.

К сожалению, некоторые представители научных обществ Ленинграда постарались внести свою посильную лепту в драматический процесс коренного реформирования Академии наук. Так, в 1929 г. на открытом заседании правительственной комиссии по чистке выступил председатель Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей В. А. Егоров, раскритиковавший работу академической Комиссии по изучению племенного состава России (КИПС) и вызвавший ее на социалистическое

⁷³ Там же. Л. 248–248 об.

⁷⁴ Там же. Л. 248.

⁷⁵ Там же. Л. 228 об.

⁷⁶ О продлении срока перерегистрации обществ и союзов, не преследующих целей извлечения прибыли // СУ РСФСР. 1930. № 7. Ст. 89. С. 106.

⁷⁷ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 48. Д. 78. Л. 113.

⁷⁸ Цит. по: *Колчинский Э. И.* Наука между коммунизмом, национализмом и либерализмом // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 593.

соревнование «по финно-угроведческой работе»⁷⁹. Вскоре общее собрание общества постановило: «Принять участие в реорганизации АН СССР по части финно-угроведения»⁸⁰.

Только осуждение может вызвать позиция отдельных научных организаций, руководство которых пыталось воспользоваться сложившейся ситуацией «борьбы с чуждыми элементами» в науке, чтобы получить интересующее их имущество других организаций, которые были объявлены прибежищем для «чуждых элементов». Так, в конце 1929 г. секретарь Высших курсов зоологии и фитопатологии А. И. Потапов сообщал в Главнауку в Москве, а также и инспектору по вузам Ленинграда С. В. Антонову, что Русское энтомологическое общество «никакой общественно полезной работы не ведет, как и научной», «объединяет наиболее реакционную часть профессуры», что члены общества «связаны с границей и ими издается журнал на иностранных языках, кроме русского», а также, что «ими был принят помощником библиотекаря выкорчеванный из Академии наук сотрудник»⁸¹. По мнению партийного бюро курсов, которое выражал Потапов, Русское энтомологическое общество необходимо было ликвидировать, а его библиотеку передать курсам⁸². Конечно, очень печальным являлся тот факт, что представители научной интеллигенции иногда присваивали себе несвойственные им функции директивных органов. Потребовалось совсем немного времени для того, чтобы подобные доносы на своих коллег становились неоспоримым поводом для репрессий против них.

Закономерным и логическим продолжением этих процессов стало утверждение ВЦИК и СНК 30 августа 1930 г. «Положения о добровольных обществах и союзах»⁸³. Оно было разработано для привлечения общественных организаций «к активному участию в социалистическом строительстве» и в связи с этим выражало необходимость «радикальной перестройки работы ассоциаций на основе широкого вовлечения масс».

Согласно этому положению, общества должны были проводить научные исследования только на «марксистско-диалектической основе» (п. 3). Кроме того, важнейшим нововведением, изменившим систему взаимоотношений советской власти с общественными организациями, стало то, что соответствующие наркоматы и их подразделения получили не только контрольную, но и управленческую функцию (п. 25).

В целом положение 1930 г. было направлено на реорганизацию системы общественных организаций. Общества должны были претерпеть трансформацию и стать массовыми путем

представления отчетов этих ассоциаций широким собраниям рабочих, крестьян, фермерских коллективов, изучения их деятельности рабочими бригадами и установления патронажа отдельных предприятий над обществами,

⁷⁹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 92. Л. 13.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Л. 25. Стиль документа сохранен. Фамилия в документе отсутствует.

⁸² Там же.

⁸³ Положение о добровольных обществах и союзах // СУ РСФСР. 1930. № 44. Ст. 527. С. 687–690.

а также

ставящими своей задачей активное участие в социалистическом строительстве Союза ССР, а также содействие укреплению обороны страны (п. 1).

Инструкция «О порядке утверждения уставов общественных объединений и союзов и надзора за их деятельностью»⁸⁴ была опубликована 22 ноября 1930 г. В ней постулировалось, что особое внимание административных структур должно было быть уделено исполнительным органам обществ и наличию в них «коммунистической и пролетарской прослойки» (п. 20). Предполагалось привлечение общественных организаций к участию в «очередных кампаниях, проводимых партией и соввластью», в целях «обеспечения твердого пролетарского руководства» (п. 21).

Наряду с инструкцией были утверждены и новые типовые уставы добровольных обществ, имеющих отделения (не имеющих отделений)⁸⁵. Отныне целью любого общества становилось «активное участие в социалистическом строительстве СССР, а также содействие укреплению обороны страны» (§ 1). Предполагалась кооптация представителей власти в советы обществ с правом решающего голоса (§ 20), что было принципиально новой чертой в уставах. Это означало полную ликвидацию независимости и тотальный контроль над деятельностью общественных организаций изнутри.

После опубликования типовых уставов началась очередная кампания по перерегистрации общественных организаций. В Ленинграде она сопровождалась «общественным смотром научных обществ», проводившимся в ноябре – декабре 1930 г. В нем принял участие 61 человек, причем впервые к такой работе были привлечены партийные организации заводов. В выводах обследований говорилось, что «общества объединяют научных работников дореволюционной подготовки по происхождению из дворян, крупной и мелкой буржуазии и интеллигенции», вместе с тем «партийно-комсомольская прослойка отсутствует»⁸⁶. Отмечалось также, что «общества не принимали мер к привлечению пролетарского студенчества в свои ряды, пассивно работая при закрытых дверях»⁸⁷, при этом они «превратились в узкие, оторванные от правящего класса, замкнутые кастовые объединения»⁸⁸. «В области идеологической и плановой деятельности» основными пороками научных обществ признавался эмпиризм в исследованиях, «ибо большинство работ носило характер материалов, описания, наблюдения, систематики предметов; теоретические обобщения занимают крайне незначительное место»⁸⁹, что происходило из-за отсутствия «среди научных работников

⁸⁴ Инструкция № 531 о порядке утверждения уставов добровольных обществ и союзов и надзора за их деятельностью // Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. Ст. 531. С. 6–10.

⁸⁵ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 48. Д. 78. Л. 19.

⁸⁶ Там же. Л. 21.

⁸⁷ Там же. Л. 22.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

революционного марксизма как мировоззрения и диалектического материализма как основного метода»⁹⁰.

В «Предложениях по итогам обследований 1930 г.» деятельность научных обществ были признана целесообразной, поскольку они могли проводить важные научные исследования⁹¹. Одновременно с этим была отмечена необходимость их реорганизации и подчинения их деятельности задачам социалистического строительства. Для выполнения этих задач общества были разделены на группы по научным отраслям и прикреплены к соответствующим государственным учреждениям.

Короткий, но очень активный период деятельности советской власти по коренному реформированию общественных организаций завершился принятием СНК РСФСР 10 июля 1932 г. «Положения о добровольных обществах и союзах»⁹². Это положение существенно не отличалось от предыдущего, уточнены были только некоторые формулировки. Тем не менее оно имело первостепенное значение, так как закрепило основные принципы и нормы деятельности общественных организаций и продолжало действовать вплоть до распада СССР. После турбулентного периода рубежа 1920–1930-х гг. ситуация в публичной сфере стабилизировалась в связи с установлением в стране тоталитарного режима. То же можно сказать и о ситуации в науке, поскольку ее организация также претерпела ряд резких и болезненных преобразований на рубеже десятилетий.

Выводы

На протяжении 1920-х гг. государственный контроль за научными обществами под влиянием политических и социальных изменений, происходивших в Советской России, постоянно возрастал и на рубеже 1920–1930-х гг. стал тотальным. Конец 1920-х гг. стал действительно переломным моментом. Одними из проявлений этих процессов стали появление марксистских обществ при Коммунистической академии (Общество марксистов-биологов, Общество марксистов-востоковедов, Общество марксистов-экономистов и т. д.) и одновременно с этим сокращение многих по-настоящему массовых демократических научных обществ. Все это стало одним из результатов резкого изменения политики государства в отношении общественных организаций.

Многие научные общества не смогли адаптироваться к новым условиям и были вынуждены самораспуститься, другие в ходе следовавших одна за другой кампаний по перерегистрации были властью ликвидированы, третьим удалось пережить болезненный процесс трансформации и продолжить свою деятельность. В начале 1930-х гг. «оставшиеся в живых» научные общества были вынуждены в срочном порядке встраиваться в созданную

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Об утверждении Положения о добровольных обществах и союзах // СУ РСФСР. 1932. № 74. Ст. 331. С. 437–441.

систему государственного управления наукой и общественными организациями. Лишившись самостоятельности, они становились полностью подконтрольными массовыми организациями. Во многом изменились основные принципы организации их жизни и деятельности. Теперь во главу угла ставилась зависимость их планов и задач от потребностей развития Советского государства, от решения конкретных задач народного хозяйства, культуры и просвещения.

Надо полагать, что отдельным научным обществам удалось выжить не только благодаря исключительной «необходимости и полезности» их работы для государства, но и благодаря безусловному подчинению требований советской власти. Так, профессор Ю. С. Эдельштейн говорил на съезде географов в 1933 г. о новых задачах Русского географического общества:

В этих условиях перед Географическим обществом встала необходимость решительным образом изменить и свою организационную структуру, и все направление своей деятельности. Необходимо было определить свое место и свою роль в ряду других творчески работающих на пользу нового социалистического строительства объединений научных сил СССР. Необходимо было найти ясный ответ на вопрос, оправдывается ли и в новых условиях существование Г[еографического] о[бщества], и если оправдывается, то чем именно, какие научно-исследовательские функции и другие функции культурного порядка может и должно выполнять общество в новых условиях⁹³.

В советской системе организации науки, сформировавшейся в 1920-е гг., исследовательский институт стал основной формой научной организации, а научная работа была коллективной. С конца 1920-х гг. научная деятельность должна была основываться исключительно на марксистской методологии. Эта система коренным образом отличалась от дореволюционной. Таким образом, научные общества утратили свой прежний статус и значение в научном сообществе страны. Независимость и свобода научного творчества, присущие природе научных обществ, были неприемлемы для зарождающегося тоталитарного режима. В новых социально-политических реалиях 1930-х гг. существование старых научных обществ было уже невозможно, а адаптация научных организаций, продолжавших существовать, была болезненной, но совершенно необходимой.

References

- Agafonov, N. T. (1995) *Russkoe geograficheskoe obshchestvo. 150 let [Russian Geographical Society. 150 Years]*. Sankt-Peterburg: RGO and Moskva: Progress.
- Bastrakova, M. S. (1973) *Stanovlenie sovetskoi sistemy organizatsii nauki (1917–1922) [The Establishment of the Soviet System of Science Organization (1917–1922)]*. Moskva: Nauka.
- Beliaev, E. A. (1982) *KPSS i organizatsiia nauki v SSSR [The CPSU and the Science Organization in the USSR]*. Moskva: Politizdat.
- Bradley, J. (2016) Associations in Times of Political Turmoil: Science Societies and the Bolshevik Regime, 1917–22, in: Lindenmeyer, A., Read, Ch., and Waldron, P. (eds.) *Russia's Home*

⁹³ Ладыгина О. Шкала времени: от I к XVI съезду РГО (30 октября 2020 г.) // <https://www.rgo.ru/ru/article/shkala-vremeni-ot-i-k-xvi-sezdu-rgo>.

- Front in War and Revolution, 1914–22*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, book 2: The Experience of War and Revolution, pp. 137–172.
- Esakov, V. D. (1971) *Sovetskaia nauka v gody pervoi piatiletki. Osnovnye napravleniia gosudarstvennogo rukovodstva nauki [Soviet Science in the Years of the First Five-Year Plan. The Main Directions in the Government Management of Science]*. Moskva: Nauka.
- Filippov, N. G. (1977) *Nauchno-tehnicheskie obshchestva SSSR (1917–1941 gg.) [Science and Technology Societies in the USSR (1917–1941)]*. Moskva: MGIAI.
- Fitzpatrick, Sh. (1970) *The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October 1917–1921*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Graham, L. R. (1967) *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Graham, L. R. (1975) The Foundation of Soviet Research Institutes: A Combination of Research Innovation and International Borrowing, *Social Studies of Science*, vol. 5, no. 3, pp. 303–329.
- Il'ina, I. N. (2000) *Obshchestvennye organizatsii Rossii v 1920-e gody [Public Associations in Russia in the 1920s]*. Moskva: Nauka.
- Josephson, P. R. (1991) *Physics and Politics in Revolutionary Russia*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Kail', M. V. (2013) Iz istorii stanovleniia universitetskogo obrazovaniia v sovetsoi provintsii [From the History of the Formation of University Education in the Soviet Province], *Voprosy obrazovaniia*, vol. 1, pp. 256–272.
- Kiseleva, N. V. (1998) *Vozniknovenie fenomena sovetskikh massovykh dobrovol'nykh obshchestv [The Emergence of the Phenomenon of Soviet Mass Voluntary Societies]*. Rostov-on-Don: RGU.
- Klushin, V. I. (1968) Deiatel'nost' Nauchnogo obshchestva marksistov (1920–1924 gg.) [The Work of the Scientific Society of Marxists (1920–1924)], in: *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta [Essays on the History of Leningrad University]*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, vol. 2, pp. 125–137.
- Kolchinskii, E. I. (1999) *V poiskakh sovetskogo "soiuza" filosofii i biologii (diskussii i repressii v 20-kh–nachale 30-kh gg. [In Search of a Soviet "Union" of Philosophy and Biology (Discussions and Repressions in the 1920s and Early 1930s)]*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin.
- Kolchinskii, E. I. (2003) Nauka mezhdru kommunizmom, natsionalizmom i liberalizmom [Science between Communism, Nationalism, and Liberalism], in: Kolchinskii, E. I. (ed.) *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nyye ocherki [Science and Crises. Historico-Comparative Essays]*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin.
- Korzikhina, T. P. (1981) *Obshchestvennye organizatsii SSSR v 1917–1937 gg. [Public Associations in the USSR in 1917–1937]*. Moskva: B. i.
- Krivosheina, G. G. (2018) Kak zakryvali estestvenno-nauchnye obshchestva v Sovetskoj Rossii [How Natural-Scientific Societies Were Closed in Soviet Russia], in: Shcherbinin, D. Iu., and Fando, R. A. (eds.) *Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki im. S. I. Vavilova. Godichnaia nauchnaia konferentsiia, 2018 [Institute for the History of Science and Technology. Annual Scientific Conference, 2018]*. Moskva: Ianus-K, pp. 343–346.
- Krivosheina, G. G. (2019) Taktika vyzhivaniia: pochemu pri sovetsoi vlasti MOIP smog vziat' verkh nad OLEAE [The Tactics of Survival: Why under the Soviet Regime MOIP Managed to Win over OLEAE], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, vol. 40, no. 4, pp. 790–796.
- Kupaigorodskaia, A. P., and Lebina, N. B. (1989) Dobrovol'nye obshchestva Petrograda – Leningrada v 1917–1937 gg. [Voluntary Societies in Petrograd/Leningrad in 1917–1937], in: Kupaigorodskaia, A. P. (ed.) *Dobrovol'nye obshchestva v Petrograde – Leningrade v 1917–1937 gg.: Sbornik statei [Voluntary Societies in Petrograd / Leningrad in 1917–1937: A Collection of Articles]*. Leningrad: Nauka, pp. 5–16.
- Kupaigorodskaia, A. S. (1984) *Vysshaia shkola Leningrada v pervye gody sovetsoi vlasti, 1917–1925 [Higher School in Leningrad in the First Years of Soviet Power, 1917–1925]*. Leningrad: Nauka.
- Kurepin, A. A. (2003). *Nauka i vlast' v Leningrade. 1917–1937 [Science and Power in Leningrad. 1917–1937]*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia.
- Ladygina, O. (2020) Shkala vremeni: ot I k XVI s"ezdu RGO [A Time Scale: From the 1st to the 16th Congress of the Russian Geographical Society], <https://www.rgo.ru/ru/article/shkala-vremeni-ot-i-k-xvi-sezdu-rgo>.

- Lapko, A. F., and Liusternik, L. A. (1970) Lenin, nauka i prosveshchenie [Lenin, Science, and Education], *Uspekhi matematicheskikh nauk*, vol. 25, no. 2 (152), pp. 15–79.
- Levin, A. E. (1988). Expedient Catastrophe: A Reconsideration of the 1929 Crisis at the Soviet Academy of Sciences, *Slavic Review*, vol. 47, no. 2, pp. 261–279.
- Perchenok, F. F. (1991) Akademiia nauk na “velikom perelome” [The Academy of Sciences at “the Great Breakthrough”], in: *Zven'ia: istoricheskii al'manakh [Links: A Historical Almanac]*. Moskva: Protsess, Feliks, and Atheneum, no. 1, pp. 165–258.
- Pis'mo Ee Imperatorskogo Velichestva k chlenam Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva [Letter from Her Imperial Majesty to the Members of the Free Economic Society] (1765), *Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*, pt. 1.
- Plato, K. G. (1903) *Polozhenie o chastnykh obshchestvakh, uchrezhdaemykh s razresheniia ministerstv, gubernatorov i gradonachal'nikov [Regulations on Private Societies Established with the Approval of Ministries, Governors and Mayors]*. Riga: Tipo-litografiia, slovolitnia i foto-khimigrafia E. Platesa.
- Romanovskii, S. I. (1999) *Nauka pod gnetom rossiiskoi istorii [Science under the Oppression of Russian History]*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Semenov-Tian-Shanskii, V. P., Gerasimov, A. P., and Orlov, B. P. (1946) Iulii Mikhailovich Shokal'skii i Vsesoiuznoe geograficheskoe obshchestvo [Yulii Mikhailovich Shokal'skii and the All-Union Geographical Society], in: Krachkovskii, I. I. (ed.) *Pamiati Iulii Mikhailovicha Shokal'skogo: sbornik statei i materialov [In Memoriam Yulii Mikhailovich Shokalskii: A Collection of Articles and Materials]*. Moskva and Leningrad: Izdatel'stvo i 1-ia tipolitografiia Izdatel'stva AN SSSR, pt. 1, pp. 111–142.
- Sinel'nikova, E. F. (2015) Finansovyi aspekt vzaimootnosheniia vlasti i nauchnykh obshchestv Petrograda – Leningrada v 1917–1920-e gg. [The Financial Aspect of Relations Between the Soviet Power and Scientific Societies of Petrograd – Leningrad in 1917–1920s], *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 4, pp. 128–144.
- Sinel'nikova, E. F. (2016) Vlast' i nauchnye obshchestva v seredine 1920-kh gg.: proekty tipovogo ustava [The Soviet Power and Scientific Societies in the mid-1920s: A Draft Model Statute], in: Smirnov, N. N. (ed.) *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny: sbornik statei [Auxiliary Historical Disciplines: A Collection of Articles]*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, vol. 35, pp. 184–200.
- Sinel'nikova, E. F. (2019) Scientific Societies in the Soviet Science System during the 1920s, *Historia Scientiarum*, vol. 28, no. 2, pp. 88–114.
- Smirnova, G. S. (2020) Na moskovskom matematicheskom fronte: iz istorii reorganizatsii Moskovskogo matematicheskogo obshchestva v 1930 g. [At the Moscow's Mathematical Front: From the History of Reorganization of the Moscow Mathematical Society in 1930], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, vol. 41, no. 2, pp. 280–310.
- Sobolev, V. S. (2012) *Nesti sviashchennoe bremia proshedshego: Rossiiskaia akademiia nauk: natsional'noe kul'turnoe i nauchnoe nasledie. 1880–1930 gg. [To Carry the Sacred Burden of the Past: Russian Academy of Sciences: National Cultural and Scientific Heritage. 1880–1930]*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia.
- Solov'ev, S. P. (1967) *Vsesoiuznoe mineralogicheskoe obshchestvo i ego rol' v razvitiu geologicheskikh nauk [All-Union Mineralogical Society and Its Role in the Development of Geological Sciences]*. Leningrad: Nauka.
- Swanson, J. M. (1968). *The Bolshevization of Scientific Societies in the Soviet Union: An Historical Analysis of the Character, Function, and Legal Position of Scientific and Scientific-Technical Societies in the USSR, 1929–1936*. Indiana University, Ph. D. Thesis.
- Vremennye pravila ob obshchestvakh i soiuзах ot 4 marta 1906 g. [Provisional Regulations on Societies and Unions as of March 4, 1906] (1994), in: Chistiakov, O. I. (ed.) *Rossiiskoe zakonodatel'stvo epokhi burzhuzno-demokraticheskikh revoliutsii [Russian Legislation from the Era of Bourgeois-Democratic Revolutions]*. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, vol. 9, pp. 206–217.
- Vucinich, A. S. (1984). *Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917–1970)*. Berkeley, CA: University of California Press.

Received: May 11, 2021.